

Археологические памятники Восточного Сегозерья. Опыт работы в Центральной Карелии

М. М. Шахнович

DOI: 10.31600/978-5-907298-00-2-2019-9-136-144

Республика Карелия находится в уникальной географической ситуации: в ее границах представлены разнородные ландшафты Восточной Фенноскандии. Это болотистые низины и острова Западного Прибеломорья, скальные шхеры Северного Приладожья, песчаные равнины Олонии, глубокие заливы Заонежья, озера и реки Западно-Карельской возвышенности, тундра вершин хребта Манселька. Все это ландшафтное многообразие создает специфику вариативности расположения разновременных памятников археологии. В статье представлен опыт работы по поиску археологических объектов в небольшом районе Центральной (Средней) Карелии, расположенном между двумя большими водоемами – Сегозером и Выгозером и условно называемом Восточное Сегозерье. Административно это – территория Поповпорожского сельского поселения Сегежского района Республики Карелия (рис. 1).

Геоморфологическая характеристика Центральной Карелии и общие закономерности расположения памятников археологии

Рельеф, поверхностные отложения и ландшафты Центральной Карелии сформировались в ходе деградации последнего ледникового покрова и послеледниковых трансгрессий. Характер местности – камы и озовые гряды, сложенные разнородными песками с гравием и галькой, с озерами и болотами в понижениях. Ландшафт – таежный, местами антропогенно-преобразованный. Абсолютные отметки не превышают 200 м над уровнем моря.

Гидрографическая сеть района относится к бассейну Белого моря. Формирование озер региона, накопление в них органического материала по данным радиоуглеродного и палинологического анализа датируется 10–9,8 тыс. л. (Лукашев, Экман, 1980. С. 18; Суббето и др., 2003. С. 5). На образование озерных террас повлияло изостатическое и сводовое

равномерно-замедленное поднятие Балтийского щита, на которое накладывались дифференцированные колебания земной коры. Это создало общую ситуацию повышения северных и северо-западных берегов озер и подтопление южных и юго-восточных. Перекос озерных котловин носил как общий равнозамедленный, так и интенсивно-локальный характер. Современная высота над уровнем водоема площадок, занимаемых памятниками каменного века, напрямую зависит от того, какой участок берега избран для заселения. На северных берегах водоемов стоянки могут располагаться на высоте от 2 до 10–11 м над уровнем воды, на южных – у прибойной линии или в воде. Чем крупнее по площади озеро и чем ближе оно находится к центру Балтийского щита, тем дальше отстоят, находящиеся на северных берегах памятники от современного уровня воды (Гурина, 1961. С. 16). На небольших водоемах Северной и Западной Карелии процесс изостатического поднятия берегов менее выражен, поэтому их береговые очертания можно рассматривать как относительно стабильные. Помимо тектоники, колебание уровня водоемов было реакцией на изменения в увлажнении климата (Шахнович, 2007. С. 11–40).

Речная сеть отличается слабой разработанностью поперечных профилей долин. Это связано с тем, что из-за малой мощности четвертичных отложений врезание рек прекращалось по достижению руслом пород кристаллического фундамента. Поэтому для рек Карелии характерно отсутствие «лестниц» надпойменных террас, что создавало определенную «специфику» в модели освоения территории: обживались одни и те же удобные береговые площадки около порогов, устьев и истоков рек. Также следует отметить глубокое дренирование водосборов озерными котловинами и большое удельное падение речных потоков (2–5 м/км),

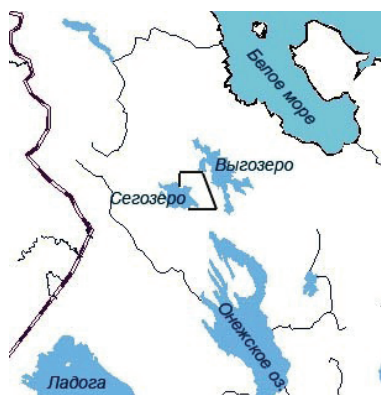

Рис. 1. Восточное Сегозерье

приходящиеся, в основном, на многочисленные пороги.

Болота занимают около трети современной территории Карелии. Начало интенсивного торфонакопления в понижениях рельефа началось в послеледниковье. В Центральной Карелии это происходило на рубеже ВО1 и ВО2 (8,5 тыс. л. н.), с отставанием от болотообразовательных процессов на юге РК, где они датируются ВО1 (8995±100 л. н.; 8695±100 л. н.) (Елина и др., 2000. С. 190). Степень заболоченности динамично прогрессировала с течением времени, как следствие климатических, гидрологических и геолого-геоморфологических изменений. Если в бореале болота, в среднем по Карелии, составляли 2–7 % от их современной площади, то в атлантический период заболачивание палеоводоемов достигло 15 % (Елина, 1995). Соответственно, стоянки каменного века могут располагаться по краевой линии современных болот.

Восточное Сегозерье находится в подзоне северной тайги с типичной растительностью: елово-сосновые лишайниковые северотаежные леса, ольшаниково-ивняковые осоково-зеленомошные сообщества, кустарничково-осоково-сфагновые болота. Средняя лесистость по округу составляет 52,6 %. В среднетаежной подзоне самые распространенные почвы – это подзолистые и торфяно-подзолистые глеевые, образующиеся на бедных железосодержащими минералами породах – флювиогляциальных и озерных песках (Марченко, 1962. С. 151; Шишов и др., 2004. С. 248).

Второй по величине водоем Центральной Карелии (после оз. Выгозеро) – озеро Сегозеро, с водостоком по реке Сегежа, относящейся к Баренцево-Беломорскому бассейновому кругу рек.¹ В месте истока реки в 1957 г. построена плотина

¹ Длина водотока реки 59 км, водосборная площадь 9140 кв. км.

Сегозерской ГЭС, и озеро превращено в водохранилище. Природный уровень Сегозера был поднят на 6 м, с увеличением площади водного зеркала с 752,5 кв. км до 900 кв. км.

По документам (Переписные книги и ревизские сказки Лопских погостов 1597, 1678, 1707, 1720, 1745, 1763 гг.) и историческому картографическому материалу деревни в XVI–XIX вв. преимущественно фиксируются по западному и южному берегам Сегозера и отсутствуют на его восточном побережье и в истоке реки Сегежа (Орфинский, 2001. С. 72–90; Чернякова, 2001. С. 39–60). Исторических карельских поселений в Восточном Сегозерье немного: деревни Сегежа, Сумеричи, Табойпорог, располагающиеся на небольших озерах Сегозерско-Выговского межозерья. Находящийся в 1 км к востоку от ГЭС п. Попов Порог относительно молодой населенный пункт, основанный в 1953 г. как поселок гидростроителей и леспромхоз Сегежского ЦБК.

История археологического изучения территории Сегежского района РК

Центральная Карелия по сравнению с другими территориями края обделена вниманием археологов. Археологические работы здесь проводились эпизодично и без конкретного научного плана около населенных пунктов или в зоне «строек коммунизма». В настоящее время на государственной охране на территории Сегежского муниципального района РК (площадь 10723 кв. км) состоит всего 44 памятника археологии.

Первые сообщения об археологических находках в районе Сегозеро связываются с финляндскими этнографами С. В. Ювелиусом и Л. В. Пяконеном, которые во время своих путешествий по Карелии в 1890-е гг. описывали или приобретали у местных жителей предметы каменного века, преимущественно крупные шлифованные орудия из сланца, собранные крестьянами при сельскохозяйственных работах. Считалось, что «долота и топоры Укко» обладают магической силой. Из села Паданы в Национальный музей Финляндии поступил обломок лезвия пещни «красноватого камня», найденный при осушении озера (Pääkkönen, 1898; Juvelius, 1898. S. 65; Nordqvist, Seitsonen, 2008). Несколько сланцевых орудий из деревень по южному берегу Сегозеро – Карельская Масельга и Евгора переданы в конце XIX – начале XX в. в музейные собрания Москвы и Санкт-Петербурга (Брюсов, 1940. С. 184, 187, 201; Гурина, 1961. С. 517).

Первым российским археологом, обратившим внимание на информацию об интересных объектах

на реке Выг – «насыпи из земли и камня около с. Надвоицы», был А. А. Спицын (1903. С. 5–6). В 1929 г. Н. Прокошев на трассе будущего Беломоро-Балтийского канала, в среднем течении р. Выг, около с. Надвоицы обнаружил первую стоянку эпохи неолита. В 1931 г. ее раскопки провел С. Руденко, а в 1932 г. А. Я. Брюсов сделал на размытых участках дополнительные сборы подъемного материала (фрагменты ямочно-гребенчатой керамики) (Брюсов, 1940. С. 192, 226). В 1936 г. в фонды Карельского краеведческого музея местным жителем П. Грудиным переданы с острова Грудин и побережья Воицкого озера наконечники стрел из кремня, орудия из камня и фрагменты ямочно-гребенчатой керамики (Брюсов, 1940. С. 247, 248).

Важное значение для археологии Западной и Центральной Карелии имела экспедиция ЛОИА АН СССР Н. Н. Гуриной в 1947–1950 гг. К сожалению, в Сеgezском районе она не работала, обследовав в 1948 и 1950 гг. только отдельные участки западного и юго-западного побережий озера Сегозеро около сел Паданы и Сондалы, где зафиксировала пять «бескерамических» и неолитических памятников (Сегозеро I–V) (Гурина, 1951; 1961. С. 182, 183, 517).

Более активный поиск объектов археологии стал осуществляться в 1970 и 1990-х гг. сотрудниками сектора археологии ИЯЛИ КФ АН СССР, преимущественно на локальных участках вдоль трассы Беломоро-Балтийского канала по р. Выг и на оз. Ондозеро. В 1962 г. Г. А. Панкрушевым на оз. Ондозеро зафиксирована стоянка Ондозеро V. В 1975 г. А. П. Журавлевым на окраине п. Шавань на берегу р. Выг открыто размывающееся поселение Шавань I (Журавлев, 1975). В 1976 г. в районе шлюза № 10 Беломоро-Балтийского канала П. Э. Песонен зафиксировала два местонахождения орудий и отщепов из кварца (Песонен, 1976). В 1977 г. М. Г. Косменко на оз. Ондозеро нашел два местонахождения и пять небольших стоянок мезолита–неолита (Овлунлаксы I–V, Овлунлаксы 1, 2) и в 1979 г. Ю. А. Савватеев – стоянку Харгуба (Археологические..., 2007. С. 93, 155). В 1990 г. в фонды Института ЯЛИ КФ АН СССР снова поступили фрагменты ямочно-гребенчатой керамики, собранные на Воицком озере на острове Грудин (Герман, 2004). В 1991 г. И. С. Манюхиным обследованы берега оз. Идель, где обнаружено пять бескерамических поселений (Идель I–V) (Археологические памятники..., 2007. С. 43).

В 1992–1993 гг. в районе п. Надвоицы К. Э. Германом открыты пять поселений каменного века – Грудино I, Воицкое I, Выг I, II, Шобозеро I (Герман, 2004) и в 2003–2004 гг. – Грудино II–III,

Воицкое II–X, Воицкий Водопад I–II (Герман, 2009). В 2000 г. А. М. Жульников на оз. Хижъярви нашел восемь памятников неолита – железного века (Хижозеро I–VIII) и в 2005 г. на озерах около п. Пертозеро – семь небольших стоянок каменного века (Пертозеро I–VII).

Археологическое изучение Восточного Сегозерья

Озеро Сегозеро до 1990-х гг. археологами фактически не обследовалось. Основная причина – устойчивое мнение, что после искусственного поднятия уровня водоема в 1957 г. большинство памятников было уничтожено. Во многом это утверждение было оправдано, так как после строительства плотины ГЭС в истоке р. Сеgezжа и последовавшего подъема воды на 6,3 м существенно увеличилась площадь озера и кардинально изменилась береговая линия. Это привело к тотальному размыву памятников археологии, располагавшихся на нижних береговых террасах по всему побережью. Но это не дает основание категорично утверждать, что все древние поселения по берегам Сегозера уничтожены. Например, в западной части оз. Сегозеро (Медвежьегорский район РК), кроме пяти поселений, зафиксированных Н. Н. Гуриной в 1950 г., на образовавшихся после затопления островах известны найденные в 1990-е гг., четыре стоянки эпохи неолита–энеолита – Панозеро I, II и Сондалы I, II (Археологические..., 2007. С. 103, 130; Герман, 1992).

На территории Восточного Сегозерья в настоящее время на государственной охране находятся двенадцать памятников археологии. Это восемь стоянок в верховье р. Сеgezжа (Сеgezжа I–VII, Попов Порог I), ниже по течению – смолокурная куча XVII–XIX вв. Табойпорог I, каменные кладки Табойпорог II и III и небольшая стоянка эпохи мезолита Юркиннаволок I на западном берегу оз. Уросозеро. Кратко остановимся на характеристике этих разновременных и разновидовых памятников (рис. 2).

Основные принципы поиска «керамических» стоянок каменного века на речных системах Центральной и Северной Карелии были сформулированы в период активных разведывательных работ в 1960–1980-х гг. (Савватеев, 1966. С. 100–101; 1978; Песонен, 1986). Примером эффективности использования методики «старших коллег» стали результаты обследования в 1992 г. А. М. Жульниковым р. Сеgezжа: на северном, южном и западном берегах безымянного озерного расширения речного русла, в 1,6 км к востоку от п. Попов Порог была зафиксирована группа стоянок Сеgezжа I–VII. Они располагаются на удобном участке берега, около мест впадения

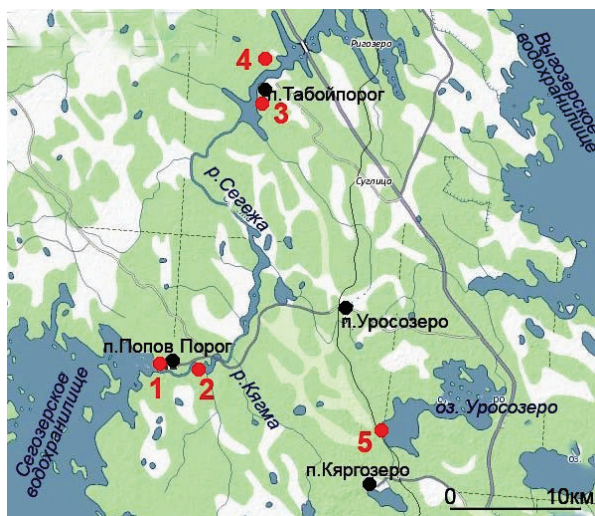

Рис. 2. Памятники археологии Восточного Сегозерья: 1 – стоянка Попов Порог I; 2 – стоянки Сегоже I–VII; 3 – каменные кучи Табойпорог II, III; 4 – углежогная куча Табойпорог I; 5 – стоянка Уросозеро I

в озеро рек Сегожа и Вожема, на ровных песчаных площадках первой береговой террасы, недалеко от воды, в 10–20 м, на высоте 1–3 м над уровнем водоема, имеют относительно небольшую площадь (от 400 до 1000 кв. м). Находки в шурфах (по 1 кв. м) стандартны: единичные орудия (скребки, отщепы с ретушью) и отходы производства (куски, отщепы, осколки) кварца, кремня, лидита и сланца, фрагменты кальцинированных косточек. Неолитическая керамика (сперрингс и ромбо-ямочная) встречена в шурфе (4 кв. м) только на поселении Сегожа V, где отмечена и жилищная впадина округлой в плане формы (диаметром 5 м, глубиной 0,3 м) (Жульников, 2003. С. 14. Рис. 4). Памятники предварительно датированы периодом неолит–энеолит (рис. 3).

В 2019 г. на левом берегу реки, на западной окраине п. Попов Порог, в 0,85 км к юго-востоку от плотины МГЭС М. М. Шахновичем найдена стоянка каменного века Попов Порог I. Она находится на уцелевшем от антропогенного воздействия ровном участке береговой террасы, на удалении 0,1 км к северу от реки. Высота над современным уровнем воды 5–5,5 м. В каменном веке это был, по-видимому, древний мыс оз. Сегозеро, к западу от природного истока реки. На памятнике заложены три шурфа (по 1 кв. м), позволившие очертить площадь распространения культурного слоя 28 × 11 м (200 кв. м). Стратиграфия, наблюдаемая в шурфах, ровная: дерн, мощностью 0,05 м; темно-серый песок (наброс) – 0,1–0,3 м; темно-

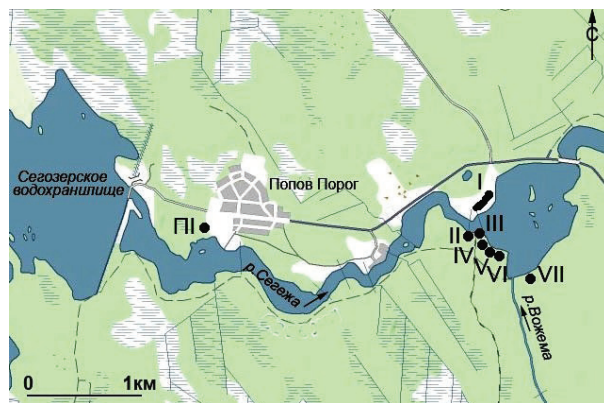

Рис. 3. Памятники археологии около истока р. Сегожа: III – стоянка Попов Порог I; I–VII – стоянки Сегоже I–VII

желтый с красноватым оттенком песок – 0,1 м; желтый песок – 0,1–0,15 м; светло-желтый песок. Суммарный комплекс находок, происходящих из верхнего слоя – небольшое количество орудий и отходов производства из кварца: пять концевых микроскребок, оформленных неглубокой, крутой ретушью, восемь отщепов (два с галечной коркой) и шесть чешуек (рис. 3; 4).

Блок информации о стоянке незначителен, что естественно, так как площадь шурфов минимальна, а плотность распространения находок в слое традиционно для этого региона Карелии невелика. В то же время ряд признаков может свидетельствовать о мезолитическом возрасте памятника. Остановимся на них подробнее.

Топография памятников эпохи мезолита этого региона Карелии во многом сходна: в большинстве случаев они располагаются на песчаных мысах и островах озер. На выбор места влияли многочисленные природно-географические факторы: микрорельеф, характер грунта, роза ветров, время года. Преимущественно для заселения использовались прикрытые от холодных ветров северные берега водоемов или реже песчаные площадки около порогов или по берегам рек (Шахнович, 1997). В Центральной Карелии закономерность

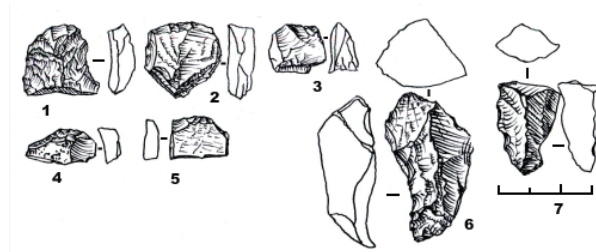

Рис. 4. Стоянка Попов Порог I. Находки: 1–5 – скребки кварцевые; 6, 7 – кварцевые сколы

перекоса небольших озерных котловин наблюдается более выразительно, чем на внутренних водоемах, расположенных юго-восточнее, и мезолит на северных берегах сегодня удален от воды на 100–150 м. В нашем случае также можно отметить существенную высоту нахождения стоянки над уровнем озера до подъема воды в 1950-х гг. (10–11 м), расположение на северном берегу, с существенной удаленностью (100 м) от современного уреза воды. Для сравнения стоянка Юркинвалок I, найденная Б. С. Короткевичем в 2018 г. на юго-западном берегу оз. Уросозеро, с кварцевыми находками, располагается непосредственно около озера, на уровне 1,5 м от воды.

На мезолитических памятниках Северной и Западной Карелии нет культурного слоя в его «классическом» понимании. Искусственная цветность слоя отсутствует, и обычно он представлен горизонтом с культурными остатками, «втоптаннами» в процессе жизнедеятельности на глубину 0,1–0,2 м от современной дневной поверхности. Стратиграфическая колонка, как и на Попов Порог I, отличается от естественного профиля дерново-подзолистых почв только более темным оттенком серого подзола (Шахнович, 2006).

Наиболее доступным и повсеместно присутствующим сырьем для производства каменных орудий в Карелии был кварц, который и сформировал своеобразный облик мезолитической культуры в этом регионе Карелии. В виде галек и желваков он массово встречается на поверхности осыпей обрывов и на озерных пляжах. Доминирующая технология его расщепления основана на биполярной технике скола (Тарасов, 2006).

Кварцевые скребки из мезолитических комплексов этого региона – наиболее морфологически устойчивая категория орудий, создававшаяся массово и стандартными сериями. Хронологические признаки для кварцевых скребков – качество нанесенной ретуши (глубина и площадь фасеток) и форма артефакта. В целом в мезолите Западной и Северной Карелии доминирует тип концевой скребка на уплощенном отщепе или осколке укороченных пропорций подпрямоугольной формы с минимальной формовкой ретушью края рабочего лезвия (Шахнович, Харин, 1993). Все эти признаки можно наблюдать у пяти скребков из кварца со стоянки Попов Порог I. Таким образом, ее можно предварительно датировать эпохой мезолита (VI–V тыс. до н.э.).

В 32 км вниз по течению р. Сегежа, на правом берегу реки, в 0,4 км к юго-востоку от п. Табойпорог,

Б. С. Короткевичем и А. М. Жульниковым в 2018 г. при обследовании проектируемой трассы ЛЭП зафиксированы четыре валунных сложения (Табойпорог II, III) (Короткевич, 2018). Три из них (Табойпорог II) найдены внизу склона скальной гряды: два рядом в 7 м друг от друга и одно на удалении от них в 75 м. От воды их отделяет полоса прибрежной низины шириной в 30–85 м. «Валунные кучи» сложены из необработанных камней без следов теплового воздействия, задержаны, высотой 0,3–0,5 м, в плане овальной или округлой формы, ориентированы по длинной оси запад–восток и юго-запад–северо-восток. Они различаются по величине: расположенное отдельно сложение относительно крупное размерами 3×4 м, остальные – $1,8 \times 1,6$ м. Каменная кладка Табойпорог III, находящаяся в отдалении (55 м к северо-востоку) на вершине скальной площадки в 60 м от реки, размерами $3 \times 3,6 \times 0,4$ м, вытянута по линии юго-запад–северо-восток. В шурфах около «каменных груд» отмечена естественная стратиграфическая колонка с отсутствием следов пашни, лесных пожаров под подсеку или других признаков культурного слоя (рис. 5).

Валунные насыпи Карелии – это оригинальные, сложные в полевом изучении и последующей интерпретации объекты. Относительно их культурной и функциональной трактовки долгое время у археологов существовало два полярных мнения: или они рассматривались в связи с описанием так называемых «саамских древностей», или скептически воспринимались как прозаичные следы очистки от камней крестьянских участков земли под пашню и сенокосы.

Визуально, без раскопок, точно определить функциональное назначение и тем более культурную принадлежность и датировку конкретной

Рис. 5. Каменное сложение Табойпорог II

каменной кучи чаще всего нереально. В последнее десятилетие при полевых работах в Восточной Финноскандии накоплен некоторый опыт комплексного изучения валунных куч, где наряду с традиционными методиками применяются и естественнонаучные (Кирпичников и др., 1992; Шахнович, 2003; 2005; Сакса, 2016; Бельский, 2018). Это дало положительные результаты, позволяющие утверждать, что отдельные невыразительные «валунные насыпи» могут быть интересными археологическими объектами (Шахнович, Кулькова, 2014; Шахнович и др., 2019).

Датировка, функция каменных сложений около Табойпорога, как и их культурная принадлежность, сейчас не ясны, но можно высказать ряд замечаний по их первичной интерпретации. В первую очередь, показательное отсутствие на камнях следов от воздействия огня, угольков в почве, а также топография места их создания: скалистый мыс с примыкающей сырой береговой низиной с угнетенным лесом и расположение трех «куч» вплотную к отвесной скале. Это делает некомфортным и, соответственно, маловероятным размещение здесь утилитарных объектов – жилых сооружений с отопительными конструкциями из валуника, расчищенных подсечных участков, кострищ временных бивуаков промысловиков, крестьянских кустарных домниц. Остается блок назначений сакрального характера. Предлагаем несколько рабочих гипотез: валунное основание памятного креста, нехристианское культовое место локального почитания, определенные типы специфичных наземных сооружений православного погребального обряда – кенотаф или поверхностное захоронение «заложного» («нечистого») умершего.

В 2017 г. А. М. Жульниковым на левом берегу р. Сегежа, в 0,9 км к северо-востоку от п. Табойпорог, зафиксирована смолокурная куча (Табойпорог I). Она располагается на ровной, с небольшим наклоном в сторону реки, песчаной площадке, в 0,1 км от воды. Это квадратная в плане насыпь, размерами 3,5 × 3,5 м и высотой 0,6 м, без традиционного ровика по периметру, но с небольшой траншеей (1 × 1,7 × 0,5 м), отрытой со стороны реки. В шурфе, примыкающем к куче с северной стороны, прослежены уложенные в клеть крест-накрест обугленные стволы деревьев со следами рубки топором, ниже их находится прослойка обгорелой сосновой и березовой коры.

Остатки производства древесного угля и смолы, так называемые «угольные ямы и кучи» – сейчас самый многочисленный вид археологических памятников Карелии и Финляндии. В 2000-е гг.

археологи перешли рубеж от их игнорирования до ежегодных широкомасштабных раскопок в зонах промышленного строительства. В Южной Карелии угольные ямы обычно датируют периодом максимальной активности железоделательных заводов в Олонецком крае в XVIII – первой половине XIX в., когда древесный уголь был необходимой частью производственного процесса по выплавке чугуна. В удаленных деревнях Беломорской Карелии выгонка смолы невысокого качества (с примесью подсмольной воды), как и выплавка железа из «болотной руды», проводилась в основном для нужд крестьянских хозяйств и как отдельная отрасль в небольшом объеме существовала еще в XIX–XX вв. В соседних районах Северной Финляндии и Приладожья «ямная выкурка» смолы была «модернизирована» под растущий спрос химической промышленности в «печное» производство уже во второй половине XIX в. (Kauppila, Suihko, 1987).

Процесс термической переработки древесины подразумевал многоразовое и разносезонное использование ям. По этнографическим данным для того, чтобы избежать засорения смолы песком, стенки конструкции обмазывались глиной или обкладывались еловой корой и берестой. Поверх штабеля поленьев укладывался слой свежего мха или коры и толстый слой земли, дерна или торфа (Merva, 1939. S. 235–259; Конкка, Логинов, 2008. С. 242). Технология смолокурения предполагает отвод наружу продуктов перегонки (смолы, скипидара) по подземным желобам или в емкость на дне ямы. При производстве смолы и дегтя в Финской Лапландии смолокурные кучи сооружались на пологом склоне около водоема, так как чем меньше наклон, тем более качественным получался конечный продукт, который по воронке из еловой коры стекал в бочонок, установленный в углублении внизу (Itkonen, 1984. S. 497–499). Все эти признаки: слой коры, отделяющий уложенную древесину от земли, наклонная канавка-«выход» и нижняя яма для принимающей емкости – можно наблюдать и на смолокурной куче Табойпорог I.

Раскопки углежогных ям в Карелии и на сопредельных территориях показали, что их датировка может иметь очень широкий диапазон: от раннего Средневековья до Нового времени (Суворов, 2008; Соболев, Шмелев, 2017; Михайлова и др., 2018). Сегодня самая древняя известная нам дата на северо-западе России происходит из смолокурной ямы на острове Лиетесуари на оз. Верхнее Куйто, около д. Вокнаволок – 270±50 л. н. *ca* 1580±110 н. э. (SPb-4), т. е. период с 1470 по 1690 г. (Шахнович, 2014). В 2011 г. М. М. Шахновичем раскопана

угольная яма Варонярви I (д. Ведлозеро), где по нескольким крупным фрагментам угля со дна получена радиоуглеродная дата 240 ± 25 л. н. (SPb-376). Ее калиброванное значение позволило определить период функционирования объекта с 1634 по 1678 г.

Данный краткий обзор памятников археологии Восточного Сегозерья, по нашему мнению, должен содействовать большей результативности поисковых работ на территории Республики Карелия.

Источники и литература

Археологические памятники Карелии. Каталог. Петрозаводск, 2007.

Бельский С. В., 2018. Погребальные памятники Карельского перешейка и Северного Приладожья XI–XIII вв. Археологические исследования 2010–2016 гг. // Свод археологических источников Кунсткамеры. СПб. Вып. 5. Опорные археологические памятники и региональные хронологические схемы Восточной Европы.

Брюсов А. Я., 1940. История древней Карелии. М.

Герман К. Э., 1992. Отчет об археологических разведках в Сегежском и Олонецком районах Республики Карелия в 1992 г. // НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. № 330.

Герман К. Э., 2004. Древние поселения в окрестностях поселка Надвоицы Сегежского района Республики Карелия // Кижский вестник. Петрозаводск. Вып. 9.

Герман К. Э., 2009. Поселения каменного века – раннего металла у поселка Надвоицы (Сегежский район Республики Карелия) // Тверской археологический сборник. Тверь. Вып. 7.

Гурина Н. Н., 1951. Археологические исследования в Карелии и Ленинградской области // КСИИМК. Вып. 51.

Гурина Н. Н., 1961. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР // М. МИА. № 87.

Елина Г. А., 1995. Динамика болотных экосистем на севере России в голоцене // Чтения памяти Ю. А. Львова. Томск.

Елина Г. А., Лукашов А. Д., Юрковская Т. К., 2000. Позднеледниковье и голоцен Восточной Фенноскандии (палеорастительность и палеогеография). Петрозаводск.

Жульников А. М., 2003. Жилища древней Карелии. Петрозаводск.

Кирпичников А. Н., Назаренко В. А., Сакса А. И., Шумкин В. Я., 1992. Каменные выкладки Европейского Севера и их истолкование // Древности славян и финно-угров. СПб.

Лукашев А. Д., Экман И. М., 1980. Деградация последнего оледенения и некоторые особенности маргинальной и островной ледниковой ассимиляции в Карелии // Природа и хозяйство Севера. Мурманск. № 7.

Журавлев А. П., 1975. Отчет о работе Кондопожского отряда Карельской археологической экспедиции за 1975 год // НА ИА РАН. Р-1. Оп. 5641.

Конкка А. П., Логинов К. К., 2008. Материальная культура, семейная и календарная обрядность // История и культура Сямозерья. Петрозаводск.

Короткевич Б. С., 2018. Отчет об археологических разведках в зоне строительства ВЛ 330 кВ Ондская ГЭС – ПС 330 кВ Петрозаводская в Сегежском, Медвежьегорском, Кондопожском, Пряжинском районах Республики Карелия в 2018 г.

Марченко А. И., 1962. Почвы Карелии. М.; Л.

Михайлова Е. Р., Шмелев К. В., Соболев В. Ю., Мурзенков Д. Н., Федоров И. А., Тарасов И. И., 2018. Полевые исследования Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева в 2015–2016 гг. // Бюллетень ИИМК РАН. № 8.

Орфинский В. П., 2001. Сегозерские деревни // Деревня Юккогуба и ее округа. Петрозаводск.

Савватеев Ю. А., 1966. Древние поселения в верховьях реки Суна // Новые памятники истории древней Карелии. М.–Л.

Савватеев Ю. А., 1978. Археологические разведки на территории Карелии // Мезолитические стоянки Карелии. Петрозаводск.

Сакса А. И., 2016. Каменные насыпи древней Карелии. От погребальных сооружений к ритуальным каменным кучам // Археология сакральных мест России. Соловки.

Соболев Ю. В., Шмелев К. В., 2017. Раскопки «курганов» в Тосненском районе Ленинградской области // Бюллетень ИИМК РАН. № 6.

Спицын А. А., 1903. Сведения 1873 г. о городищах и курганах // Известия Императорской Археологической комиссии. СПб. Т. V.

Субетто Д. А., Давыдов Н. И., Сапелко Т. В., Вольфарт Б., Вастергорд С., Кузнецов Д. Д., 2003. Климат северо-запада России на рубеже плейстоцена и голоцена // Известия АН. Серия Географическая. № 5.

Суворов А. В., 2008. Новые археологические исследования объектов углежогого промысла в Вологодской и Архангельской областях // Русский Север: вариативность развития в контексте исторического и социально-философского осмысления. Вологда.

Песонен П. Э., 1976. Отчет о работе Медвежьего отряда Карельской археологической комплексной экспедиции в 1976 году // НА ИА РАН. Р-1. Оп. 6304.

Песонен П. Э., 1986. Стоянки в низовье р. Кереть // Новые данные об археологических памятниках Карелии. Петрозаводск.

Тарасов А. Ю., 2006. Нуклеусы и бифасы: некоторые особенности первичной обработки кремневых пород и кварца на поселениях Карелии (неолит – ранний железный век) // ТАС. Тверь. Вып. 6. Т. 1.

Чернякова И. А., 2001. Сегозерье: от Средневековья к Новому времени // Деревня Юккогуба и ее округа. Петрозаводск.

Шахнович М. М., 1997. Бескерамические комплексы Северной Карелии. Поиск хронологических критериев // Археология Севера. Петрозаводск. Вып. 1.

Шахнович М. М., 2003. К вопросу о валунных насыпях на островах в Белом море // Природное и историко-культурное наследие Северной Фенноскандии. Петрозаводск.

Шахнович М. М., 2005. Валунные насыпи на территории Карелии // Кижский вестник. Петрозаводск. Вып. 10.

Шахнович М. М., 2006. Мезолит Северного и Западного Прибеломорья // Вестник Поморского университета. Вып. 8.

Шахнович М. М., 2007. Культурно-хронологическая атрибуция мезолитических памятников Северной и Западной Карелии и их место в мезолите Северной Европы // Кольский сборник. СПб.

Шахнович М. М., 2014. «Лопарские ямы» Северной Карелии или о смолокурении в позднем Средневековье // Археология Севера. Череповец. Вып. 5.

Шахнович М. М., Харин В. Н., 1993. Опыт классификации кварцевых скребков мезолитических поселений Западной Карелии // Вестник карельского краеведческого музея. Петрозаводск. Вып. 1.

Шахнович М. М., Кулькова М. А., 2014. «Ковдорские платформы»: опыт археологического изучения валунных сложений Восточной Фенноскандии // X Ушаковские чтения. Мурманск.

Шахнович М. М., Кулькова М. А., Сониная А. В., 2019. К вопросу о валунных насыпях в Северном Приладожье: опыт комплексного исследования // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь. Вып. 12.

Шишов Л. Л., Тонконогов В. Д., Лебедева И. И., Герасимова М. И., 2004. Классификация и диагностика почв России. Смоленск.

Itkonen T. I., 1984. Suomen lappalaiset. Vuoteen 1945. Helsinki. Т. 1.

Juvelius S. W., 1898. Muistoja Pohjoisen venäjän Karjalan Muinaisuudesta // SMYA – FFT. Helsinki. № X.

Kauppara R., Suihko A., 1987. Tervan tie. Kajaani.

Merva T., 1939. Miesten tekniikkaa. Kansatieteellisiä muistiainoja ilomansin itäkylistä // Kansatieteellinen arkisto. III.

Nordqvist K., Seitsonen O., 2008. Finnish Archaeological Activities in the Present-day Karelian Republic until 1944 // *Fennoscandia archaeologica*. Vol. XXV.

Pääkkönen L. W., 1898. Kesämatkoja Vienan Karjalassa sekä hajanaisia kuvauksia Karjalan kansan nykyisyydestä ja entisyydestä // *SMYA*. Suomen Muinaismuistoyhdistys. Helsinki. № 18.